

Отношение к спасению посредством виз в еврейских религиозных кругах в Литве, 1940–1941¹

Кирилл Феферман

(Москва, Россия и Иерусалим, Израиль)

Данная статья основана на изучении подробного дневника, который вел раввин Хаим Штейн. В описываемую эпоху ему было 28–29 лет и он был наставником в одной из самых знаменитых ешив в литовском городке Тельшяй². Автор получил классическое еврейское религиозное образование и вел религиозный образ жизни. Он женился впервые только в конце войны. После войны раввин Штейн перебирается в США и возглавляет возрожденную ешиву Тельшяй в городе Кливленд (штат Огайо). Он прожил долгую жизнь и скончался в 2011 г. После его смерти наследники изъявили желание издать его дневник и с этой целью предоставили его в Михлелет Йерушалам, ведущий центр по увековечиванию памяти Холокоста в ортодоксальном еврейском мире.

Данный дневник является исключительно редким свидетельством. Среди ультрарелигиозных евреев не было принято отвлекаться на события, не связанные непосредственно с изучением Торы. Именно поэтому автор считает нужным пояснить, что он начал вести дневник (с середины 1939 г.), так как полагал, что является свидетелем необыкновенных событий, которые необходимо запечатлеть в дневнике. Он состоял из шести тетрадей, из которых сохранились все, кроме первой. Таким образом, первая тетрадь, реально имеющаяся в нашем распоряжении, описывает события начиная с начала 1940 г. до начала июля 1941 г. И именно на изучении этой тетради, как описывающей ситуацию с получением виз среди религиозных евреев Литвы, основана данная статья.

Дневник велся на иврите. Следует отметить, что он достаточно сложен для расшифровки для неподготовленного исследова-

---

¹ Данное исследование является частью совместного проекта с Михлелет Йерушалаим (Иерусалим).

² О ешиве в Тельшяе см.: Gershon Greenberg, “Holocaust and Musar for the Telšiai Yeshivah: Avraham Yitshak and Eliyahu Meir Bloch”, *The vanished world of Lithuanian Jews*, Alvydas Nikzentaitis, Stefan Schreiner & Darius Staliunas (eds.), Amsterdam, New York, 2004, pp. 223–262.

теля, даже если он и владеет ивритом, так как автор часто использует кодовые слова, общепринятые в еврейской традиции. В дневнике имеется относительно мало комментариев, в основном автор фиксирует события, которые казались ему достойными внимания. Получение иностранных виз и бегство из советской Литвы посредством виз было важной темой данной тетради. По моим оценкам, она занимает 10–15% места в соответствующей тетради из числа сообщений, касающихся положения дел в Литве. Наряду с этим значительное место автор придает описанию событий Второй мировой войны, проявлениям антисемитизма со стороны местного населения³, а также советизации жизни в Литве⁴ с упором на постоянное ухудшение положение религиозной части литовского еврейства, притеснения, которым оно подвергалось со стороны советских властей⁵. Все эти темы, однако, в конечном счете взаимосвязаны и позволяют нам понять, почему значительное количество религиозных евреев в Литве было готово уехать из советской Литвы в конце 1940 – первой половине 1941 годов.

Мы не можем с точностью определить, какими языками владел автор, но можно предположить, что это были идиш и иврит, а также литовский и, вероятно, немецкий. Такое предположение позволяет нам понять, каким образом он получал информацию, отразившуюся в его дневнике. Можно разделить эту информацию на три основных источника: первый из них, являвшийся также самым существенным «окном в мир» – это радиопередачи Би-Би-Си, которые, очевидно, покрывали территорию Литвы и, насколько можно судить, автор слушал их либо на идиш, либо, что более вероятно, на литовском языке. Вторым важным источником информации была еврейская пресса в Литве до того момента, пока в результате советизации все еврейские газеты не были объедине-

---

³ Saulius Suziedelis «Listen, the Jews Are Ruling Us Now»: Antisemitism and National Conflict during the First Soviet Occupation of Lithuania, 1940–1941,” *Polin* 25 (2013), pp. 305–330; Joachim Tauber, “Hitler, Stalin und der Antisemitismus in Litauen 1939–1941,” *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 21 (2012), pp. 166–182.

⁴ Alferd Erich Senn, *Lithuania 1940: Revolution from above*, Amsterdam: Rodopi, 2007.

⁵ С постепенным «доведением» ситуации до положения иудаизма на «исконных» советских территориях. См. Avraham Greenbaum, “The Jewish religion in the Soviet Union in the 1930s”, *Shvut* N.S. 1–2 [17–18] (1995), pp. 146–160.

ны в одну (это произошло, судя по дневнику, в конце 1940 г.). Третий источник был самым неформальным – речь идет о контакте между автором дневника и многочисленными еврейскими беженцами из оккупированной немцами Польши, которые оказались в Литве в 1939–40 гг.

Исторический фон

Судя по имеющимся данным, тема виз в среде религиозного еврейства в Литве в Америку и Палестину зарождается летом-осенью 1940 г., т. е. в период ввода советских войск в Литву, начала советизации республики и постепенного наступления советского государства на еврейскую религию. Именно в этот период первые посланники литовского религиозного еврейства оседают в Америке и начинают заниматься лоббистской деятельностью, направленной на получение американских виз для евреев Литвы. Также на этот период приходится и интенсивная деятельность обосновавшегося в Англии «Комитета по спасению раввинов», который предпринимал энергичные усилия для получения виз в Америку и сертификатов в Палестину для лидеров религиозного еврейства и их сторонников, оказавшихся, прежде всего, в Литве.

Стоит отметить, что в описываемый период каждая еврейская организация действовала автономно от других еврейских религиозных структур, а также не сотрудничала со светскими структурами. Если последнее было достаточно характерно для обособленного мира ортодоксального еврейства, то отсутствие сотрудничества с другими религиозными организациями было новшеством для общества, характеризующимся большой степенью взаимовыручки. Очевидно, что в данный период каждое религиозное еврейство начинает все более воспринимать ситуацию для себя как очень тяжелую, граничащую с критической, в связи с чем каждому приходилось действовать самому за себя или, по крайней мере, в рамках одной структуры.

Дневник

Первая запись в дневнике, которую можно отнести к рассматриваемой нами теме, относится к 3–4 марта 1940 г. и описывает отъезд Любавичского ребе и части его приближенных из Риги в Америку, произошедший за несколько недель до того: «У его ха-

сидов большое влияние в Америке». Попрощаться с ним пришли евреи из различных кругов, и его отъезд произвел сильное впечатление на религиозные круги в Литве и, судя по всему, на автора дневника.

22–23 марта в дневнике появляется новая запись: «Правительство Англии обещает, что несмотря на это [ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину в соответствии с Белой Книгой 1939 г., ограничения, о которых автор упомянул ранее в дневнике], особые сертификаты на въезд в Палестину будут выданы для учащихся ешив. Совсем недавно 150 учащихся ешив уехали в Палестину (Эрец Исраэль) через СССР».

Следующая запись относится уже к периоду после ввода Красной Армии на территорию Литвы и ее де-факто аннексии Советским Союзом (3 июля 1940 г.). Еврейские религиозные организации достаточно быстро столкнулись с жесткой политикой советского государства. 10 июля правительство Литвы, как сообщается в дневнике, объявило о закрытии еврейских религиозных организаций и фондов. Это был первый серьезный удар по экономически автономному еврейскому религиозному миру.

Одновременно в этой же записи дневник фиксирует официальную декларацию о полной отмене разрешений на эмиграцию для тех, у кого было литовское гражданство. Это сообщение разделило, как можно понять из дальнейших событий, евреев, оказавшихся в Литве в 1940–41 гг., на две группы. К первой относились литовские граждане, а также бывшие литовские граждане, которые приняли советское гражданство. С точки зрения советских властей они, так или иначе, попадали в сферу действия советского законодательства и, так же как и для прочих граждан СССР, их эмиграция была делом совершенно невозможным для советского руководства. Ко второй группе относились беженцы из Польши. В случае если они отказывались от принятия советского гражданства (а большинство из них, судя по всему, отказались от него), они, с точки зрения советских властей, имели право покинуть СССР. Понятно, что это различие понятно нам лишь по простетвию многих лет, тогда как человеку, жившему в рассматриваемую нами эпоху, оно могло казаться неразличимым.

Возросшую интенсивность советской антирелигиозной пропаганды перед выборами автор отмечает в записи от 11 июля 1940 г.

Очевидно, что это не могло не начать сказываться на настроениях религиозного еврейства в Литве, часть которого начинает всерьез задумываться о перспективах их жизни в СССР и возможности вести традиционный образ жизни. Эти мысли проходят рефреном в записи дневника от 4 августа, в которой автор, ссылаясь на последние слова Зеева Жаботинского, якобы произнесенные им перед самой смертью несколько дней назад, заявляет: «Еврейство прибалтийских стран потеряно».

Контуры советской политики по отношению к беженцам начали лучше вырисовываться после публикации 8 августа 1940 г. нового закона, нашедшего свое отражение и в дневнике: все, у кого были на руках визы, должны в течение семи дней покинуть Литву. В противном случае их визы отменялись. Это новое постановление было практически невыполнимым, т. к. беженцы были не в состоянии обзавестись в указанный период транзитными документами. Излишне упоминать, что новая директива относилась лишь к беженцам, а не к литовским евреям.

Следующая запись относится к 20 августа 1940 г. Американские связи литовского религиозного еврейства начинают, судя по всему, работать, и автор с удовлетворением отмечает, что получено 150 «разрешений» из Америки. Разрешения были не именные, они приходили на организацию, в данном случае на ешиву. Фактически они были предназначены для руководства ешив и членов их семей со всей Литвы, которые стали, таким образом, кандидатами на отъезд в первую очередь. Такая практика соответствовала нормам, сложившимся в еврейском религиозном мире, согласно которым в случае пленения первыми надлежит выкупить из плена мудрецов. Вместе с тем, автор отмечает в своем дневнике, что получение виз только для руководства ешив вызвало брожение в среде преподавательского состава и семей родителей учеников, правильно ли, чтобы руководство ешив покинуло их в такой момент.

Ситуация с получением виз как для литовских граждан, так и для беженцев усложнилась еще больше после того, как согласно записи дневника от 20 августа 1940 г., американский консул, подчиняясь предписаниям советских властей, покидает Литву. Для получения виз теперь надо было ехать в Москву.

Много записей дневника, начиная с сентября 1940 г., посвящены наступлению советской власти на позиции еврейской религии в Литве: постепенная конфискация религиозной собственности, закрытие еврейских религиозных учреждений. Очевидно, что эти темы и все возрастающее опасение о возможности продолжать религиозный образ жизни в советской Литве занимали автора все больше и больше. Можно без преувеличения сказать, что его настроения разделялись многочисленными религиозными евреями.

1 сентября 1940 г. автор отмечает, что резкое ухудшение с положением религии привело к тому, что многие (больше, чем обычно) евреи постились в дни поста во время осенних праздников. Это традиционный и освященный традицией способ, посредством которого религиозные евреи выражали и выражают свои чувства во время тяжелых кризисов, угрожающих их духовному или физическому существованию.

В записи от 31 октября автор отмечает то, что мы понимаем с высоты нашего сегодняшнего знания: «Очень сложно получить визу для граждан Литвы». Он имеет в виду выездную визу, выдававшуюся советскими властями.

Посредством «еврейской почты» евреям Литвы удается поддерживать связь с уехавшими. Так 1 ноября 1940 г. поступают известия из Японии. Один из раввинов литовских ешив вынужден был задержаться в Японии, так как их (его и его группы) туристические визы были признаны там недействительными. Остальным участникам группы удастся добраться до Америки. Судя по всему, речь идет о визах, выданных Сугихарой, некоторые из которых, как мы видим, не были признаны японскими властями.

29 ноября 1940 г. Нарком внутренних дел Литовской ССР А.А. Гузавичус послал Спецсообщение «О результатах разработки польских беженцев» заместителю Наркома внутренних дел СССР Меркулову⁶. В документе отмечается, что на территории Литвы скопилось 4270 человек, желающих выехать за пределы СССР, из них 652 имели выездные визы еще до установления советской власти в Литве. Из них имели визы в США 193 и в Пале-

---

⁶ Александр Дюков. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии, 1940–1941 гг. М., 2012, с. 63–66. Док. № 10.

стину 164 человека. В графе «социальное происхождение» особо выделены 37 раввинов. Также отмечалось, что подавляющее большинство желающих уехать – евреи. Значительно большая группа беженцев – это те, кто имели визы, но не обладали транзитными документами. В этой группе доля раввинов еще выше: 484 из 1618 человек. НКВД Литвы рекомендовало разрешить выезд представителям обеих групп.

Запись в дневнике от 22 января 1941 г. фиксирует распространение явления, которое мы отмечали раньше: волнения в ешиве среди тех, кто не получил визы. Но страсти частично улеглись после того, как руководство ешивы объявило, что есть надежда получить визы для всех. Многие из евреев, связанных с ешивой, по-видимому, не были уверены, что им удастся получить визы через ешиву. Они пытались использовать и свои собственные связи для ускорения процесса, для этого они посылали телеграммы в Америку своим родным.

В записи от 23–24 января автор отмечает, что в соседней «конкурирующей» ешиве Слободка многие получают визы. Каждая структура заботится, как уже отмечалось, о себе и о своих, но эта информация подстегивает всех и в ешиве «Тельшай».

В записи от 26–27 января 1941 г. отмечается, что получены разрешения на почти 200 человек из ешивы, не включая руководство. Это весьма высокий показатель, так как он охватывал почти каждого пятого из кандидатов ешивы. Вместе с тем естественно, что по-прежнему наблюдается резкое недовольство среди не получивших визы. Стоит отметить, что из числа известных литовских ешив только одной удалось выехать целиком – ешива Мир.

Слухи о том, что через ешиву можно получить визы в Америку, распространяются и среди евреев, не связанных с ней. Очевидно, что это рано или поздно должно было привлечь внимание советских властей, тем более, что сами ешивы уже несколько месяцев были объявлены вне закона.

В записи от 6–7 февраля автор отмечает, что дополнительно получено 40–50 виз для раввинов. Вместе с тем сам факт их получения при всей важности этого момента не являлся гарантией выезда. Кроме советской стороны, чье согласие требовалось для передвижения по территории СССР в сторону Японии, нужно

было получить и японские транзитные визы. Их же стало особенно сложно получить из-за ухудшения международной обстановки в первой половине 1941 г., отмечаемой в дневнике, в особенности из-за ухудшения обстановки между Японией и США⁷.

В записи от 8–9 февраля 1941 г. фиксируются экстраординарные события для еврейского религиозного мира. Для получения визы некоторые ешиботники нарушили (осквернили) субботу, когда в субботу они ехали (видимо, к месту расположения консульств или на встречу с посредниками) и делали записи в документах. Судя по записи, это было распространенное явление. В религиозных кругах сообщение об этом произвело настоящий фурор, и возник вопрос, как относиться к этому явлению. С точки зрения еврейского закона такое поведение было допустимо лишь в случае, если еврею угрожает непосредственная опасность. Вопрос остался нерешенным.

В записи от 1–2 марта упоминается, что в Каунасе и Вильнюсе арестованы производители фальшивых виз. Арестованы многие беженцы по обвинению в причастности к производству японских виз и прочих документов. Автор не указывает подробностей, но по тону дневника чувствуются панические настроения, объявшие многих религиозных евреев Литвы, искавших путей поскорее ее покинуть.

Тематически последняя запись по вопросу виз была сделана 19–20 марта. Автор сообщает: получены 100 разрешений на ешивы на выезд в Палестину. Это был нечастый случай сотрудничества в вопросе отъезда между ешивами. На ешиву в Тельшае приходится 20 разрешений. Счастливчиков определяют путем жребия, и как всегда набралось немало недовольных.

Непрекращающаяся деятельность ешив привлекла к ним, в конце концов, особое внимание советских органов безопасности. 29 марта 1941 г. нарком госбезопасности Литвы П. А. Гладков в спецсообщении «О контрреволюционной деятельности еврейских националистических организаций» сетовал на то, что «пришлым элементом в г. Вильно и на территории Виленского уезда организованы еврейские раввинские школы, которые функционируют и

---

⁷ Akira Iriye, *Power and culture: The Japanese–American war, 1941–1945*, Cambridge, Mass., 1981, pp. 12–15.

в настоящее время... По агентурным данным, число слушателей насчитывает 350 человек»⁸. Нарком госбезопасности указывает и на активную деятельность «клерикальных кругов» в поощрении выезда евреев из Литвы за границу.

Заключение

Данный дневник позволяет нам взглянуть изнутри на еврейскую общину Литвы накануне Холокоста. Стремительно возрастающее желание религиозных евреев Литвы уехать из СССР было вызвано, прежде всего, резким ухудшением положения еврейской религии в Литве после аннексии Литвы Советским Союзом и ускоренной советизацией всех сторон жизни. До начала немецкого вторжения в СССР религиозные евреи бежали от СССР, а не от нацистской Германии.

Любопытно, что сам автор, так же как и значительное количество религиозных евреев Литвы, были хорошо осведомлены о положении и преследованиях своих соплеменников в Европе. Более того, автор считал столкновение между Германией и СССР вполне реальным, но вплоть до начала немецкого вторжения в СССР не видел в этом опасности для себя и литовских евреев. Видимо, под влиянием передач Би-Би-Си и информации, поступавшей от религиозных кругов США и Англии и Палестины, автор и люди его круга придерживались преувеличенного мнения о советской военной мощи.

---

⁸ Дюков. Указ. соч., с. 154–155. Док. № 31.